

Опыт философского размышления

ФИЛОСОФИЯ ЙОГИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ П.Д. УСПЕНСКОГО

А.Ю. ШЕЛКОВНИКОВ

Петр Демьянович Успенский (1878–1947) — русский философ-мистик¹, обращался к изучению и осмыслению практики и философии йоги начиная примерно с 1907 г. и до конца жизни. В 1913 г. в издательстве «Новый человек» (Санкт-Петербург) выходит в свет книга Успенского «Искания новой жизни. Что такое йога». Второе и третье издания выйдут в 1915 и 1918 гг. В 1931 г. в Англии выходит книга Успенского «Новая модель вселенной» (автор покинул Россию в 1920 г.), в которой одна из глав посвящена йоге. Это — шестая глава, она называется «Что такое йога?» и представляет собой своеобразный итог изучения этой дисциплины Успенским. В конце главы второго издания (1934) мы встречаем датировку 1912–1934, указывающую годы работы над темой².

Уже в первой книге мы встречаем важнейшие мысли русского философа о философии и практике йоги. На четвертой странице мы встречаем фразу, выделенную жирным шрифтом: «**Йога — это ключ ко всей мудрости Востока**»³.

Что имеет в виду Успенский? Русский философ считает, что все основополагающие тексты древнеиндийской культуры создавались йогинами. И поэтому они принципиально непонятны для обыкновенного человека (не-йогина). Это относится к Ведам, Упанишадам, Пуранам, эпосу — Махабхарате и Рамаяне и другим культовым произведениям, разумеется, не только словесным. Иначе говоря, культура Индии создавалась людьми, находящимися в качественно другом состоянии сознания. И для того, чтобы приблизиться к пониманию этих произведений, необходимо качественно изменить свое сознание посредством практики йоги.

Таким образом, йога имеет характер герменевтического ключа к пониманию и интерпретации сюжетов, символов, традиции и других элементов древнеиндийской культуры. Такое понимание специфики йоги является, с одной стороны, глубоко индивидуальным, так как мы не встречаем подобной радикальной постановки вопроса у других авторов, а с другой стороны, представляется довольно-таки объективным, так как не противоречит духу самой традиции, о которой идет речь. Если развивать мысль Успенского, йога играет роль герменевтико-психологического органа по отношению к остальным пяти классическим индийским философским школам — санкхье, веданте, мимансе, ньяе, вайшешике, которые в свою очередь являются введением в изучение

шрути и смрити, священного писания и философских комментариев к нему. Здесь содержится одна очень интересная идея. Одной теории явно недостаточно. Как недостаточно и логико-математического и грамматического орудий мысли в качестве введения в теорию. Необходимо психологическое изменение бытия человека. У позднего Успенского это найдет выражение в методологическом разграничении знания и бытия. Уровень знания должен соответствовать уровню бытия. Понимание возникает как своего рода согласованность и гармония между знанием и бытием. Необходимо определенным образом усовершенствовать внимание, память, перцептивные и апперцептивные возможности, этические качества и другие антропологические характеристики, чтобы какие-то смыслы оказались принципиально доступными⁴.

Далее Успенский делает важное замечание. Он отмечает, что знакомство западной аудитории с йогой началось с теософии — Елена Петровна Блаватская и ее последователи и сподвижники первыми начали квалифицированно писать о йоге. Здесь Успенский не совсем прав. Перевод и комментирование йогических трактатов начинаются уже с середины XIX в.⁵ (М. Мюллер и др.). Но это — академические историко-филологические исследования. Видимо, Успенского интересовало другое. Его интересовали те западные писатели, которые непосредственно соприкасались с самой йогической традицией. В качестве таковых ему представлялись теософы. Успенский называет имена Блаватской, Олькотта, Синнета, Безант. Блаватская и другие авторы действительно имели опыт общения с индийскими учителями йоги, но отношение к йоге у них было специфическим. Теософы несколько искусственно разделяли высшую, духовную, раджа-йогу и низшую, физическую, хатха-йогу. Но особенное внимание Успенский уделяет второму этапу знакомства с йогической традицией. Он связывается с именами Рамакришны и его учеников — Вивекананды, Абедананды и др. Здесь мы имеем дело уже не с посредниками, а непосредственно с самой традицией, линией ученической преемственности. Ученики Рамакришны, сами индусы, писали на английском, их книги издавались в странах Запада. Вивекананда начинает активно распространять учение Рамакришны с 1882 г., уделяя значительное внимание философским аспектам йоги. Надо сказать, что в этой традиции этика и теория решительно доминируют над йогической практикой — садханой. Кстати, именно Успенский оказывается инициатором издания книг Вивекананды на русском языке (после 1912 г.). С этого и начинается серьезное знакомство русской интеллигенции с идеями йоги.

Пересказывая содержание книг Вивекананды и Абедананды, Успенский фиксирует внимание на психологических аспектах йоги. Особенно его интересуют четыре принципиально различных состояния сознания, в которых может пребывать человек — *глубокий сон, сон со сновидениями, бодрствование* и то, что может быть названо *состоянием полной осознанности* (оно и является целью практики йоги). Успенский подчеркивает чуждость таких пред-

ставлений западной психологии. Надо сказать, что западную психологию Успенский осваивал в основном по Вундту, Спенсеру, Фехнеру, в какой-то степени Маху. Психоанализ он категорически не принимал. Петр Демьянович понимает, что в категориях западной психологии четвертое состояние сознания описано быть не может. (От себя замечу, что какие-то перспективы имеются, если мы будем последовательно развивать представления Вундта об апперцепции.) Но в то же время Успенский ищет в современной психологии и философии (а также, может быть, в околонучном пространстве) какую-то поддержку, какие-то возможности перевода сокровенных восточных смыслов на язык науки. Он выделяет таких авторов, как Уильям Джемс, Ричард Бекк и Чарльз Хинтон. В первую очередь он обращается к фундаментально-революционной, но не отрефлексированной в западной культуре книге профессора Джемса «Многообразие религиозного опыта»⁶. Именно в концепции мистического состояния сознания Джемса Успенский видит органичный подход к восточному (и не только) мистицизму со стороны западного научного сознания. Джемс, в свою очередь, ссылается на книгу канадского психиатра Ричарда Бекка «Космическое сознание»⁷. Это книга становится во многом парадигматичной для всей философской концепции Успенского, наиболее полно выраженной в его работе «*Tertium organum*»⁸. Характерно, что Бекк был чрезвычайно вдохновлен поэзией Уолта Уитмена, и многое в концепции космического сознания навеяно творчеством этого великого поэта. (Замечу, что Успенский находит идейно-стилистический параллелизм у Уитмена и Василия Розанова, когда он говорит в «*Tertium organum*» о «Людах лунного света»⁹.) И, наконец, Чарльз Хинтон, блестящий автор «Новой эры мысли» и «Четвертого измерения»¹⁰ (книга с таким названием есть и у Успенского¹¹). Успенский связывает учения этих мыслителей друг с другом и с психологией йоги, указывая на то, что, взятые вместе, они объясняют друг друга.

Затем Успенский обращается и к отечественной мысли. Он находит, что серьезные параллели с учением йогов наблюдаются в книге А.А. Суворина (Алексея Порошина) «Новый человек» (вышла в 1913 г.). Успенский приводит такую замечательную цитату из Суворина: «И грех великий против себя и против высшего счастья мира — чувства радости и довольства жизнью — совершает человек, когда живя он уже с молодых лет только растрчивает свои физические силы, вместо того, чтобы с каждым днем их увеличивать, набирать в себя более физической энергии, расширять объем своих легких, делать свою кровь краснее, а самое настроение — бодрее, энергичнее, наполняясь уверенностью, что жизнь есть великое и радостное благо, а он сам и есть тот нарядный алый цвет мироздания, который солнце прилежно вызывает своими горячими лучами из красной глины земли»¹².

Я бы назвал это русской философией жизни, так отличающейся своим утверждающим пафосом, искренним жизнелюбием от трагического, ностальгически-депрессивного или же мессиански-эйфорического

фона отечественного философствования. Хотя, конечно, если говорить о сходствах с философией йоги, здесь акцентируются наиболее примитивные, физические аспекты.

Успенский обращается также к мысли И.И. Мечникова, находя множество параллелей опять-таки с физическими аспектами йоги. В частности, он приводит такую цитату: «Задача этики сводится к тому, чтобы предоставить наибольшему количеству людей возможность достигнуть цели их жизни, т.е. провести весь цикл их рационального существования вплоть до естественного конца»¹³. В одном из изданий 1918 г. есть карандашная помета: «Разве это — цель жизни?» Для русской мысли это — очень нехарактерная постановка вопроса. У нас гораздо радужнее принимаются фантазии о воскрешении мертвых при помощи науки... А здесь — просто дожить жизнь до естественного конца. Успенский тут же замечает, что для йоги долгая жизнь — не цель, а только средство познания истины, т.е. подчиняет этику Мечникова гносеологии йоги. В данном случае речь шла только о хатха-йоге.

В книге «Новая модель вселенной», в главе «Что такое йога?», в разделе, посвященном бхакти-йоге¹⁴, йоге божественной любви, Успенский проводит глубинные параллели между традициями бхакти и православным исихазмом. Успенский щедро цитирует Бориса Зайцева, его путевой очерк «Афон». Успенский также останавливается на «Добротолубии» и чрезвычайно интересном памятнике неизвестного автора XIX в. — «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу»¹⁵. Важно, что эти вещи — исихазм и йога — объясняют друг друга в интерпретации и сопоставлениях Успенского.

В своих лекциях по «Психологии возможной эволюции человека», которые Успенский читал с 1921 г. в Лондоне, он называет йогу психологией, которая оказалась в ряду шести философских систем. «Добротолубие» он также рассматривает в качестве христианской психологии. Итак, психология оказывается здесь основанием для сближения йоги и исихазма¹⁶.

Йога для Успенского — «ключ ко всей мудрости Востока».

«Философия Индии и ее религии заключают в себе неисчерпаемые источники мысли. И европейская философия всегда пользовалась и пользуется этими источниками, но, странным образом, не достигает тех результатов, т.е. тех идеалов мудрости, святости и силы, какие получаются на родине Упанишад»¹⁷.

Таким образом, мудрость Востока становится ключом для понимания мудрости Запада. Но для понимания философии и психологии йоги русский мыслитель (все-таки представитель западной культуры) вынужден обращаться к западным аналогам, искать соответствия в своей культуре.

В свою очередь читатель и истолкователь Успенского, глубже понимая йогу благодаря интерпретациям русского философа-мистика, глубже и иначе открывает для себя тексты западной и русской культуры, вовле-

каясь в своеобразный герменевтический круговорот, совершая интеллектуальное путешествие по перекликающимся философским мирам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ П.Д. Успенский – действительно не изученный философ. О нем есть статьи в «Новой философской энциклопедии» (Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 2010. С. 149; см. также: «Русская философия» / под общ. ред. М.А. Маслина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. 2-е изд., дораб. и доп. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. С. 662).

На русском языке, тем не менее, нет ни одного научного исследования творчества П.Д. Успенского. Отметим две книги, безусловно заслуживающие внимания, написанные на высоком концептуально-исследовательском уровне и содержащие серьезную историю вопроса (см.: Ровнер А.Б. Гурджиев и Успенский. – М.: София; Гелиос, 2002; *Лахман Г.* В поисках П.Д. Успенского. Гений в тени Гурджиева / пер. с англ. О.П. Бурмаковой. – СПб.: ИГ «Весь», 2011).

² *Успенский П.Д.* Искания новой жизни. Что такое йога. – СПб.: Новый человек, 1913. 41 с.; *Успенский П.Д.* Искания новой жизни. Что такое йога. – П.: Издание М.В. Пирожкова, 1918.; *Успенский П.Д.* Новая модель вселенной / пер. с англ. Н.В. фон Бока. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. С. 250–279;

³ *Успенский П.Д.* Искания новой жизни. Что такое йога. – П.: Издание М.В. Пирожкова, 1918. С. 4.

⁴ См.: *Успенский П.Д.* Психология возможной эволюции человека; Космология возможной эволюции человека / пер. с англ. А.М. Руткевича и Д.С. Басова. – СПб.: АО «Комплект», 1995. С. 64–67; *Успенский П.Д.* В поисках чудесного / пер. с англ. Н.В. фон Бока. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1994. С. 78–92.

⁵ См.: *Мюллер М.* Шесть систем индийской философии / пер. с англ. – М.: Искусство, 1995. С. 311.

⁶ *Джемс В.* Многообразии Религиозного Опыта / пер. с англ. В.Г. Маляхиной-Мирович и М.В. Шик / под ред. С.В. Лурье; изд. журн. «Русская Мысль». – М., 1910; Товарищество типографии А.И. Мамонтова / репринтное издание. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992.

⁷ Космическое сознание / сост. В.А. Шериев; пер. с англ. и нем. – М.: ООО «НИК», «Одиссей», 1995. С. 3–344.

⁸ *Успенский П.Д.* TERTIUM ORGANUM. – СПб., 1911; репринтное издание. – СПб.: Андреев и сыновья, 1992.

⁹ Там же. С. 116–117.

¹⁰ См.: *Хинтон Ч.Г.* Четвертое измерение и эра новой мысли / пер. с англ. – П.: Новый человек, 1915.

¹¹ *Успенский П.Д.* Четвертое измерение. Обзор теорий и попыток исследования области неизмеримого. – СПб., 1910. Третье издание этой книги вышло в 1918 г. (Петроград, издание М.В. Пирожкова). Из современных доступных изданий см.: *Успенский П.* Четвертое измерение. – П.: Издание М.В. Пирожкова, 1918; *Тухолка С.* Оккультизм и магия. – СПб.: издание А.С. Суворина. 1907; Ташкент, 1993. С. 3–94.

¹² *Успенский П.Д.* Искания новой жизни. Что такое йога. – П.: Издание М.В. Пирожкова, 1918. С. 15.

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ Успенский П.Д. Новая модель вселенной / пер. с англ. Н.В. фон Бока. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1993. С. 269–276.

¹⁵ Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. – М.: Сибирская Благовонница, 2015.

¹⁶ Успенский П.Д. Психология возможной эволюции человека; Космология возможной эволюции человека / пер. с англ. А.М. Руткевича и Д.С. Басова. – СПб.: АО «Комплект», 1995.

¹⁷ Успенский П.Д. Искания новой жизни. Что такое йога. – П.: Издание М.В. Пирожкова, 1918. С. 1.

REFERENCES

Cosmic Consciousness. Moscow, NIK, Odysseus, 1995. 800 p. (Russian trans.).
Hinton Ch. *The Fourth Dimension and A New Era of Thought*. Petrograd, Book Publishing «New Man», 1915. 256 p. (Russian trans.).

James W. *The Varieties of Religious Experience*. Saint Petersburg, Andreev and Sons, 1992. 418 p. (Russian trans.).

Lachman G. *In Search of P. D. Ouspensky: The Genius in the Shadow of Gurdjieff*. Saint Petersburg, All, 2011. 224 p. (Russian trans.).

Muller M. *Six Systems of Hindu Philosophy*. Moscow, Art, 1995. 448 p. (Russian trans.).

Ouspensky P. *In Search of the Miraculous*. Saint Petersburg, Publishing of Chernyshev, 1994. 528 p. (Russian trans.).

Ouspensky P. *New Model of the Universe*. Saint Petersburg, Publishing of Chernyshev, 1993. 560 p. (Russian trans.).

Ouspensky P. *Tertium Organum*. Saint Petersburg, Andreev and Sons, 1992. 241 p. (in Russian).

Ouspensky P. *The Psychology of Man's Possible Evolution*. Saint Petersburg, Series, 1995. 160 p. (Russian trans.).

Rovner A. *Gurdjieff and Ouspensky*. Moscow, Sophia, Helios, 2002. 512 p. (in Russian).

Аннотация

Статья посвящена осмыслению философии йоги, одной из шести систем классической индийской философии, русским философом-мистиком Серебряного века П.Д. Успенским (1878 – 1947). Рассматриваются вопросы и возможности диалога таких различных школ мысли, как йогический мистицизм, русская, западноевропейская и американская философия и психология.

Ключевые слова: йога, мистицизм, сознание, индийская философия, интерпретация.

Summary

This article is dedicated to understanding the philosophy of yoga, one of the six systems of classical Indian philosophy, done by Russian visionary philosopher of the Silver Age, mystic P.D. Ouspensky (1878-1947). Questions at issue are possibilities and ways of interaction between various schools of thought, such as yoga mysticism, Russian, West-European and American philosophy and psychology.

Keywords: yoga, mysticism, consciousness, Indian philosophy, interpretation.